

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / *Амазонки нашего аула*

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

АМАЗОНКИ НАШЕГО АУЛА

Это были три обитатели по-над кромкой моря. И три женщины зрелых лет. Безвозвратно утекли в город дети. В степь запропастилась скотина... А скотинки всего-то-навсего десять коров да мелкая животино.

В полуденное время на пороге, держа самовар, появилась Айман в своём крохотном белом платке на макушке, с которым она не расставалась. Следом Каргаш, не открывавшая обычно рта, не облизнув хотя бы разок обветренные губы. А за ней показалась Биби, смотревшая немного вбок из-за врождённого своего косоглазия.

— Ящур их прихвати, не пришли ещё? — произнесла Айман изменившимся от переживания голосом.

— Да пропади они пропадом! — коротко отозвалась Каргаш. — И к телятам уже не идут.

— Да чтоб их волки задрали! — поддержала Биби. — Состарят они нас раньше времени.

Можно подумать, что сейчас — молоденькие.

На дворе, как в раскалённой печи, в тени не присядешь. По кургузому взгорью и широкому долу, то обрываясь, то, временами, сливаясь, клубится густое марево. В хлеву неокрепшим мычанием подал голос телёнок. На крышу дома села иссиня-чёрная ворона. Вероятно, пекло вскипятило ей мозги окончательно. Она уныло каркнула.

— Быть добру, пенсия, возможно, придёт, — прокомментировала Айман.

Каргаш, взяв в руки топор, начинает готовить щепу. Биби принесла керосин и чиркнула спичкой. Из небольшого натрубника у самовара закурился дымок и потянул, наконец, за собой время, которое с раннего утра, цепляясь за землю, ну никак не хотело двигаться.

— Часом задремала. И сон видела, — сообщила Биби, посмотрев на обеих подруг, сразу наостривших уши. — Будто в нашу девичью пору...

— Вот-вот, другое тебе и не могло присниться...

— Может, от тоски?.. Ах, девоньки, какими мы тогда были!

Действительно, какими? Словно полная луна, всклень были полны надежд и мечтаний. В год окончания школы создавалась комсомольско-молодёжная бригада. Был брошен призыв. Зачастили уполномоченные. Воздух сотрясали пламенные речи.

— Вы олицетворяете молодую энергию нашей страны. Сегодня россияне приступили к стройке века — прокладке Байкало-Амурской магистрали. В свою очередь мы, жалея, как говорится, своих неокрепших птенцов от сибирских морозов, постановили оставить всех вас в родном ауле. Парни год-другой попасут совхозных коров. Ну, а девчата буквально отворят нам новые молочные берега. Честь и слава, ордена и медали — всё будет ваше! Ну, а потом, когда вдруг надумаете поступать в высшее учебное заведение, перед вами распахнутся любые двери!

Вас встретят с распростёртыми объятиями. Надо будет, мы сами лично вас сопроводим. Таково задание партии!

Какая юная душа устоит перед подобными словами. Все закивали головами. Дескать, ремесло знакомое, попробуем и мы взять в свои руки прадедовские укроки...

Айман, грезившая стать певуньей, смущённо спросила: «А вы слово даёте?..»

— Что за вопрос, голубушка?! Какое слово?

— Ну, что направите нас учиться...

— Как не дать!

Мечтавшая быть преподавателем Каргаш, покраснев, переспросила: «И поступить можете?»

— И поступить!

— Ладно, я согласна стать дояркой, но потом пойду на швею, — заключила Биби.

— Пойдёшь, конечно. Цель ясна, дерзайте — смело вперёд!

Парней, трудившихся пастухами, поочередно призвали в армию. Девчат, отворявших своими руками молочные реки да кисельные берега...

— ...Нет со вчерашнего! Быть может, караул их в загоне держит? — задумчиво произнесла Айман. — Бедняги боятся, что десяток коров их сенокосные уголья утопчат.

— Ох, и задал головную боль нам этот однорукий!

— Напьемся чайку и снарядимся на поиски. Вот если и впрямь он запер, тогда берегись!..

...Из уполномоченных, дававших когда-то слово, кто-то взлетел — не достанешь, а кого-то поминай как звали. Что же оставалось им делать в окружении одних бурёнок? Первой сбежала замуж Айман. Правда, одно название, что сбежала. Обогнула домишки по задворкам и поселилась у молодого тракториста, живущего по соседству. Каргаш со своим сладким девичеством рассталась в кабине весёлого джигитаводовоза. А что Биби? Стоило в ауле появиться какому мужчине — она тут же: «Ой-бай! Он, кажется, хочет меня украсть... Надо держаться от него подальше». Так и заслужила имя старой девы.

— Вся беда в жене Али, — заявила Айман сверстницам после того, как вышли в дорогу на поиски пропавших коров. — С кровати зад с трудом подымает, а злая как мегера.

— Усилила эта, как муж устроился караульным, нос задрала. В прошлый раз на свадьбу разрядилась в шёлковое платье... То туда пройдёт перед носом, то сюда... Мол, видишь меня... Нервы мне изрядно подёргала!

— Ты лучше скажи о том, как прилюдно ей не терпелось узнать, сколько же у нас коров?

— Приревновала, видать.

— Культяпного своего, что ль? Может, к нашим коровам!

— Да нет, коровам нашим завидует!

— На той свадьбе и ты ведь поддела Али, неожиданно спросив, а достаточно ли будет публике его

однорукого благословения?!.. Я чуть не прыснула со смеху.

— Вынудили просто.

Оказывается ветреность, укоренившуюся в детстве, не выкорчевать и во взрослой жизни. Как-то осенью, пригласив гостей, Али зарезал жирного козла. Связал ему конечности, провёл разок-другой по точилу ножом и полоснул второпях по горлу злополучной животине, придерживая морду левой ладонью. И при этом большой палец просунул в зубы козла... Скотина — она ведь тоже жить хочет. В агонии зажевала ему палец.

— И козёл, и Али заблеяли одновременно. Мы сразу и не поняли, кто кого режет-то?! — подсмеиваются до сей поры соседи. — Палец раздуло. Видать, пошло заражение. И, в конце концов, пришлось руку ему ампутировать по самый локоть. Так и прозвали его Али-культяпый.

— А какой был здесь раньше совхоз! — воскликнула Каргаш в порыве ностальгии, облизнув разок обветренные губы. — Скота не счесть. Просторные пастбища, везде снующий, занятой народ...

— Где это видано, чтоб народную землю приобретали в частную собственность? Они говорят: мы купили! Я имею в виду новоиспечённых хозяев этой земли. Скажите на милость, у нас хоть что-нибудь осталось, что еще не выставлено на продажу? Нас, может быть, тоже кто-то оценил задарма, по себестоимости?

Слова задела Айман за живое.

— Ишь, развелось спекулянтов и торгашей! Скотину на такыре разводить нам прикажете? Все пастбища у них... Всё деликатесы им подавай... Аппетитные кусочки сами лопают, а косточки нам подбрасывают... Пусть теперь попробует этот сторожевой пёс удерживать наших коров. Сорву с лошади и заставлю петь по самому себе зауспокойную!

...Сказала как в воду глядела. Перевалив через два холма, они воочую увидели, что коров их держат в открытом деревянном загоне. Верхом на лошади, в измятой белеющей кепке, сидит караульный. Завидев грозную троицу, лошадь под ним засучила ногами. Да и культяпка несуразно задергалась. Караульщик явно почувствовал приближение беды...

Вчера, когда тут был хозяин, эти десять коров, говорит, бродили по зелёной поросли. Сам он в тот момент отлучился домой на обеденный чай. Решил вздремнуть и опоздал немного. Вернувшись, чего только не услышал от хозяина по своему адресу. Оказывается, проклиная всё на свете, хозяин загнал животных в деревянную калду. Ворота двойной железной цепью обмотал, замок навесил. И ему в одну его руку кипу бумаг всучил...

Растерялся перед бабами не на шутку: втихую хотел дать дёру на своей лошадёнке, да не пускала треклятая мужская гордость. Но и торчать, ожидая пришибленных небом женщин, которых знал ещё парнем, он тоже не мог.

— Неужели он снова нацепил себе на грудь очередной орден? Даже издали сверкает! — удивилась Айман, приложив ко лбу руку. — Биби, ты помнишь год возвращения его из армии?

Как не помнить? Тогда он был худым как курай, перетянутый ремнём с пятиконечной звездой. Борты армейского кителя поблескивали, ослепляя прохожих. Послушать его, — дюжину подвигов совершил будучи солдатом.

— Зимой загорелась тайга в Сибири, — заливал он разинувшим рты девчатам-дояркам. — Так я с огнём воевал один. Целые сутки. Еле-еле потушил.

— Боже праведный! — жалели его девчата.

— Что хорошо — целый месяц потом шашлык ел. Во время пожара кабаны целыми косяками поджарились. Лежали прямо готовенькие.

— Ну, а другие солдаты что?

— Они тогда границу охраняли. Этот орден мне генерал собственноручно передал, — продолжал он, тыча на большенький из значков указательным пальцем. — А этот... Привёз мне сам маршал за то, что я бандитов поймал, нарушавших границу.

— Ну, а другие солдаты, что?

— Собирали дрова после пожара. А вот этот...

Свои байки он мог до утра рассказывать. Некоторые из них, чтобы не услышали другие, шептал на ушко Биби.

Какой девушке не понравится храбрый защитник Родины?! Впрочем, пока девицы судили да рядили... он повёл под венец Уасию из ближайшего аула.

Но разве удержать молодую за ситцевой занавеской?! Не остыли свадебные перипетии, а наша Уасия, не промолвив ни слова мужу, прямоком двинулась в районный центр. Как оказалось, просить герою-мужу, не жалевшему души и тела для родного отечества, приличную должность. Квартиру опять же. Потребовала даже доплаты к зарплате. Тогда-то и раскрылась тайна её героя. Выходило, что в армию призывался — правда. Однако служил конюхом. Ордена же, нанизанные рядами, оказались просто значками, которые продаются в обычных ларьках...

— Посмотрите на него! Стоит, что пугало у ворот загона, — буркнула Биби рассерженно. — Выпускай коров!

— Не выйдет, — ответил охранник, отводя глаза.

— Ты с ума спятил?

— Хозяин приезжал, акт составил. С головы, говорит, по восемь тыщ... Всего платите восемьдесят тыщ тенге.

— Восемьдесят тысяч?

У Айман выпала палка, которую она держала.

— Вот тебе документ. Пажалыста...

Караульный потащил из кармана ворох бумаг, но вручить их не решился, отступив за деревянную ограду.

— Никак новый орден получил, наши тебе поздравления! — не выдержав, вклинилась в разговор доселе молчавшая Каргаш.

— Это — медаль!

— За лесной пожар опять получил?

— В честь двадцатилетия Независимости дали.

— И за какие такие заслуги! За то, что трёх женщин мучаешь?

— Давай, короче говори!

— И поговорим короче! Ты только не отступай, встань-ка поближе! — сказала Айман, улыбаясь и подступая к охраннику. — За медаль, положим, с нас причитается... — Балагурия, она в мановение ока ухватила под уздцы его лошадь. Невзирая на крики и беспомощно дергающуюся куляпку, стащила седока наземь. — Подай-ка аркан! — скомандовала. — Вяжи ему ноги!

— Допрыгался жеребчик. Пора уже тебя кастрировать!

— Натё, ключ! Только отпустите! За-бе-ри-те всё! — раздавался истошный крик Али, которого скрутили женщины в три погибели.

— Есть ножичек?

— Давай-ка сюда!

Лёжа на спине он отбивался, как мог, ногами. Отмахивался одной рукой. Распоролся рукав, разорвался воротник. Чудом вырвался. Испуганная лошадь куда-то ускакала. И он явственно ощутил, что ему несдобровать, попади он еще раз в руки к разъяренным бабам. Ощутил и прыгнул сломя голову в ближайшие заросли камыша. Биби вместе с Каргаш бросились вдогонку.

— Догоняй его, Биби! Держи его, Каргаш! — кричала следом Айман подбирая брошенный ключ от загона. — Не упусти! Не дай ему выбраться! Покуда я скотину на дорогу не выгоню!

— Оторваться бы! Обиду на мужиков на мне вымещают... Все вы такие! — хрипел Али, унося подальше ноги. — Только бы оторваться!

— Нырнул в камыш — как в воду канул. Мы только увидели, что какой-то заблудший волк, рыча, проскочил впереди, — рапортовали подруги наперебой, едва переводя дыхание. — Это ж надо бедолаге так испугаться!

С того самого дня караульный пропал. Искали всем народом. В камышовых зарослях обшарили каждый кустик. Не нашли. Назначали награду тому, кто принесёт хоть какую-то весть.

В итоге терпение Уасии, насылавшей проклятия по адресу буйной тройцы, что устроила облаву на её мужа, вконец иссякло. И она решила навестить их сама.

В этот час хозяйки трёх обитателей по-над кромкой моря, устроившись в тени, с наслаждением пили чай. А за чаем вприкуску и разговор — что закуска!

Вчера в предвечернее время на мелкую их скотину напал волк. Солнце клонилось к горизонту в сгущающихся цветах светло-розового заката. Овцы, завернувшись в овчарню, с шумом шархнулись обратно. Вооружившись вилами и лопатой, женщины тоже устремились на перехват, окликавая на ходу со-

бак. Но серой масти волк с коротким хвостом и не собирался отступать. Схватил за загривок отбившегося от овец ягненка и закинул себе на хребет. Затем, рыча и озираясь на скачущих во всю прыть преследовательниц, исчез восвояси. Упёртый был волк.

— Левая передняя лапа была культяпой. В капкан, наверное, угодил, — заметила Айман, вытирая с лица большим, точно скатерть, полотенцем крупинки пота.

— Чем-то он напомнил того озлоблённого волка, на которого мы в камышах наткнулись, — заметила Каргаш.

— И глаза странные, — проронила Биби задумчиво. — Будто прошли насквозь.

— На кой чёрт вы тогда погнались за ним? — буркнула Айман, раздражаясь ни с того ни с сего.

— Сама же орала: не упусти, хватай!

— Травить не надо было...

— Может, в омут затянуло? Или в болоте увяз, злополучный!

— Он иногда мне снится, — молвила Биби, тяжко вздохнув. — Будто в ту нашу девичью пору...

Когда беседа приняла привычное русло, Айман, вдруг, указывая подбородком вперёд, недоуменно воскликнула:

— Кто это идёт к нам?! Никак Уасиля?

— Не может быть?

— Её только не хватало! — Каргаш резко поднялась с места, едва не опрокинув самовар, стоявший рядом с Биби. — Что ей здесь понадобилось?

Уасиля подошла, шелестя подолом широкой юбки. Подбоченясь и расставив ноги, встала пред ними — дебелая, голубоглазая, со слегка краснеющим носом. И отчетливо произнесла:

— Ну, что, стервятницы, сидите?!

— Чего бы не сидеть, куда лететь-то?

— Неужто сгонишь с насиженного местечка?

— Скажи лучше, по какому делу явилась?

— Пришла сказать, что вы мужа моего сгубили и спрятали! От вас всего можно ждать. Чёрная зависть вам житья не давала, потому как Али был на коне и при деле. Вы его куда-то и упрятали!

— А может, сразу и убили? — рассердилась Айман, и крохотный белый платок задвигался на её макушке.

— Завидовать было нечему! — урезонила Каргаш, не открывавшая обычно рта, не облизнув разок обветренные губы.

— Не сама ли благами пользовалась?! — поддела косоглазая Биби.

— Найдите его, как хотите! Угробили всех мужиков, беспутные! Откуда вам знать чью-то цену?!

— Ты говори да не заговаривайся! — перебила Айман, не собираясь давать ей спуска. — Забыла, как почти каждый божий день устраивала Али домашние баталии! Если мой умер, то своей смертью. Думаешь, верхом заездила? Прочитать тебя некому! Погоди, вот

внук закончит учёбу. Пovýлупаешь тогда бестыжие зенки!

— Ну и закончит твой внук. Будет поезда гонять, а мне что с того? Билет не прокомпостирует, что ль? Фу! Как будто мне куда приспичило ездить.

— Это не мы тебе завидуем, а ты нам! Каверзная твоя душонка! — парировала Каргаш, муж которой когда-то ушёл к молодухе. Потом помолчала и, не найдя других слов, лягнула: — Когда у моей красульки началась течка, ты быка своего пожалела. «Не дам быка, на, выкуси!» — вопила на весь аул и дулю показывала. Вот, скажи, неправда?

— Да на ваши течки бугаёв не напасешься!

Каргаш вскочила с места и ринулась на Уасилю. Айман и Биби, хватая её за подол, насилу удержали на месте...

Караульного же так никто больше и не видел. Искали тщетно. Все поймы излазили. Нет, как нет.

Будто джинн унёс. Будто земля поглотила.

Говорят, один странный волк, культяпый на левую лапу, приходит иногда под окно Уасили и до самого рассвета воет: «У-у-у...»